

Глеб Жога

Хтонь- гора

Как устроена
Уральская вселенная

Глеб Жога

**Хтонь-гора. Как устроена
Уральская вселенная**

«Издательские решения»

Жога Г.

Хтонь-гора. Как устроена Уральская вселенная / Г. Жога —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591744-7

Легендарный Урал — какой он? Кто его создал? Есть ли у него свой Олимп и где? Какие там живут боги? И как их почитают люди? Чем эти люди занимаются, во что верят, какие сказки рассказывают и какие песни поют? Кто их герои и есть ли у них враги? И что мы, современные уральцы, наследуем от наших мифических прапредков? «Хтонь-гора» отвечает на эти вопросы мозаикой из этнографии, археологии и фольклористики в авторской обработке, создавая грезу о целостной мифологии единого древнего Урала.

ISBN 978-5-00-591744-7

© Жога Г.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть I	8
Откуда берутся души	8
Горы и пещеры	10
Прародительница	12
Лиственница, береза и кедр	14
Самый древний идол	16
Дом и лес	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Хтонь-гора Как устроена Уральская вселенная

Глеб Жога

Редактор Тина Гарник

Корректор Анастасия Богомолова

Дизайнер обложки Ирина Котюргина

© Глеб Жога, 2022

© Ирина Котюргина, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-1744-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему отцу Владимиру Петровичу Жоге

ПРЕДИСЛОВИЕ

Такого Урала, как я пишу в этой книге, в действительности никогда не было. Ни в археологической древности, ни в этнографической современности. Уральская вселенная, описанная здесь, – это мой авторский конструкт, выстроенный в условном времени и пространстве.

Строго говоря, исторический Урал никогда и не был единой сущностью. Никогда не существовало ни уральской общности, ни уральской идентичности, ни уральского самосознания. Даже территориально Урал всегда понимался по-разному. То как хребет; почти просто разделительная черта между Европой и Азией. То как огромная область между Волгой и Обью, от Заполярья до среднеазиатских степей. Здесь зародилось несколько автохтонных культур. Много народов и культур прошли транзитом. Часто Урал был под влиянием разных метрополий. В результате данные археологии и этноистории рисуют противоречивую лоскутную картину.

Но что делать, если хочется ощутить себя именно уральцем? За что ухватиться? Изучение сухих научных данных само по себе дает впечатление раздробленности, а здесь необходимо переживание единства. Эти переживания может формировать искусство. Но, на мой взгляд, в случае с Уралом таких произведений очень мало. И я предпринял дерзкую попытку наметить целостный образ легендарного Урала, прародины нынешних уральцев.

В работе я использовал научные источники по археологии, этнографии, фольклористике, но мое повествование имеет, скорее, мифопоэтический характер. Тем более это не справочник: в книге 21 глава-история, каждая, с одной стороны, посвящена своему сюжету, но с другой – развивает сквозные темы и образы, поэтому порядок глав имеет значение. Чтобы создать единство на речевом уровне, в тексте я не даю прямых цитат из источников, но пересказываю используемый материал своими словами, а кое-где даже намеренно искажаю его. Ко всем парафразам такого рода есть примечания-сноски.

За основу я взял историю протоугров и этнографию обских угров. Однако для придания целостности я укрепил ее данными археологии (относить которые напрямую на счет протоугров нет никаких оснований) и этнографическим материалом близких народов – селькупов, ненцев, алтайцев (сколь спорной бы ни была так называемая урало-алтайская общность). Однажды пришлось прибегнуть даже к материалам о медной металлургии в Древнем Египте. Все это я устроил, ориентируясь исключительно на свой собственный вкус.

Идея этой книги как книги о «мифоносных пластах» Урала родилась в Уральском филиале Государственного центра современного искусства во время подготовки второго фестиваля «Бажов-фест»¹. Первый фестиваль состоялся в 2016 году и был по большей части посвящен личности и наследию самого Павла Петровича Бажова. Второй фестиваль (2018) отошел от осмысления творчества писателя и занялся древней историей региона. Книга планировалась как один из проектов фестиваля, поэтому «Хтонь-гора» во многом наследует его художественные принципы. (Расписывать их здесь не стану, заинтересовавшийся читатель без труда найдет информацию о «Бажов-фесте» и его идеологии-методологии сам).

Однако в силу разных обстоятельств в первоначально задуманном виде книга так и не была издана. Тем не менее я искренне благодарен друзьям и коллегам из УФ ГЦСИ за возможность создать это произведение. Отдельно хочу отметить команду того смелого, пусть

¹ В соответствии с договором авторского заказа я обязан указать буквально следующее: данное произведение (то есть книга «Хтонь-гора») создано в рамках фестиваля современного искусства «БАЖОВ-Фест» по заказу Уральского филиала Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО» (Екатеринбург, 2018 г.).

и не состоявшегося в полном виде, издательского проекта – куратора Женю Чайку, художника Александра Баженова, дизайнера Ирину Котюргину, редактора Тину Гарник.

Часть I

Откуда берутся души

Здесь холодно. Так всегда было. Все же северная сторона, тайга. Говорят, предки уральцев пришли сюда с юга, из степей и пустынь. До этого они долго странствовали по безлесым просторам, есть такие предания². Говорят, что кони у них были белые, и золотые, и даже с крыльями. Но по-настоящему те времена никто не помнит. Кто были те люди, что их заставило откочевать на север, почему они остались, осели и сделались лесным народом – неизвестно.

Более-менее помнят, как жили здесь, на Урале. И этому уж не одна тысяча лет. Все это время уральцы глядят в сторону южного края земли, откуда пришли легендарные предки. Как хребет протянулся с севера на юг, так и люди здесь живут. В одной стороне – благодатная земля богов и героев, в другой – злой северный ветер. Бывали здесь и те, кто говорил, что молиться надо на восток, откуда восходит солнце. Но в тайге хорошо знают, как солнце бывает холодным, далеким и равнодушным. Тут всегда ждут тепла, а оно приходит с юга.

В южную сторону каждую осень летают птицы: гуси, гагары, утки, лебеди и даже маленький кулик. Они не могут остаться здесь, в северном лесном краю, где зимой вся вода замирает. Каждую осень люди провожают птиц, желают им доброго пути, просят вернуться поскорее. И плачут, хотя и называют проводы праздником. А птицы? Их слез никто не видел, но их крики в полете так тоскливы, что сразу ясно, как им тяжело расставаться с родной землей.

На Урале холодно: хочешь дожидаться прихода южного тепла – надо тепло одеваться. Здесь человек без одежды и не человек даже – безликий, незащищенный, незаконченный. Вот такая легенда³: были, мол, в древние времена богатыри, которые не носили ни одежды, ни обуви, им не были страшны даже самые трескучие морозы. Жили они среди обычных людей, а ходили голыми даже на охоту. Но как только они заговаривали с народом, никто не мог понять, что же они хотели сказать. Богатыри тогда злились, начинали кричать, затем рычать – народ пугался. И вот кожа богатырей задубела и стала шершавая, на теле выросла шерсть, и они убежали в лес. С тех пор там и живут, шерстистые, и не могут вынести даже вида ленточки или лоскутка ткани. Шитая одежда – вот что отличает человека от обитателей леса.

Как удлинится день, поднимут вороны гомон, и полетят с юга гагары, а на их крыльях весеннее тепло. За ними утки, из южной земли они принесут души для новорожденных детей. На Урале говорят, что до зубов младенец еще не человек, а лишь оболочка, пустующееместилище. Душа в нем поселяется по весне, одна из тех, что птицы приносят с южной стороны земли. Вот тогда ребенку и дают имя.

Птицы и на север летают: и гагары, и утки, и гуси. Туда они относят души покойников, чтобы отлетевшие не толпились, не плутали в тайге, не маялись и не томили живых. А если их не унести, то откуда в южной стране возьмутся души для наших детей?

² Здесь и далее я исхожу из того, что угры (уральцы) в праистории были кочевым коневодческим народом. Это пространная этноисторическая версия. Подробнее об этом и об образе коня и всадника у протоугров см., напр.: Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: издательство «Квадрат». 2008.

³ Легенда вымышленная. Отдельно сюжет с обрастанием оголившегося в лесу человека шерстью и превращением его в зверя есть в мифе «Богатырь-медведь» (миф №22) в сборнике Н. В. Лукиной (Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общей редакцией Е. С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 79—80). Сборник Н. В. Лукиной – крупнейшее современное научное собрание угорского фольклора. В этой книге я обильно использую его материалы. Далее ссылки на сборник даю простым указанием фамилии составителя и номера страниц.

Уральцы и сами туда ходили, на север. Где еще холоднее, чем здесь, где уже нет леса, где ничего нет, один только снег до горизонта. Тундра. Говорили, что земля там уже не плоская, а будто выгнутая, как чья-то большая спина. Она неустойчивая, все время вертится и движется, и все на ней ходуном ходит. Потому люди, которые на ней живут, вечно переезжают с места на место.

Вернувшись, так рассказывали⁴:

– Не место нам в той стороне. Как выезжаешь из леса в открытую тундру – обдает северным ветром, и весь сжимаешься. А те кочевники несутся по своему белому простору расправив плечи, они поют песню. Они умеют смотреть на себя сверху, читать путь по звездам, так они видят всю выгнутую спину своей земли будто с неба. А мы привыкли смотреть прямо, вперед, перед собой. Но как нам быть в тундре, если там нет ни лиственницы, ни кедра, чтобы знать, куда нам держать путь? В тех местах заплутаешь, пропадешь. Зато мы чувствуем себя привольно в лесу, а кочевникам в нем нет места: он их душит, они сквозь него не видят.

Они и на юг ходили. Снова кончался лес и распахивались плоские просторы, но не тундровые, степные. Там тоже кочевали люди. У них было много лошадей, совсем как в легендах о предках, только степные лошади не были ни белыми, ни золотыми. А южные кочевники, когда мчались по своим землям, такой шум поднимали, такую пыль, что весь зверь в страхе разбегался. Уральцы посмотрели на это, не стали со степняками долгих разговоров вести и назад повернули.

– Все-таки мы люди со своей землей, со своей водой, нам дома жить надо, – так решили.

А вернувшись в тайгу, рассудили, что на южную сторону, в страну птиц, предков и героев путь не через степи лежит. Припомнили, что в легендарные времена туда попадали через скалу с расщелиной, через гору с дырой. Что за расщелиной – пещера, а в той пещере – хозяйка, и, если захочет, она покажет выход на южную сторону земли.

Вот только где та гора и та пещера, люди уже забыли, и сколько ни пытаются, найти не могут. А если кто нашел, тот, наверное, не вернулся. Зачем ему теперь? Но гагары, гуси и утки возвращаются. И каждый год снова улетают. Может, их ведет кто? Многие видели: летит впереди Золотой Гусь, дорогу показывает, и все птицы за ним. Уж он путь в южную землю хорошо знает.

⁴ Это мой пересказ суждения-размышления ненецкого поэта Ю. К. Айваседа (Юрий Вэлл). В оригинале так: «Когда хант выезжает на нарте из леса в открытую тундру, он ежится от ветра, ненец распрямляется и поет песню. Когда хант, переехав низину, вновь въезжает в лес, он чувствует себя привольно, ненец – скованно. В пути ненец следит за собой как бы с неба, представляя себя перемещающейся на карте точкой. Хант примечает дерево и держит путь на него, затем примечает мыс и движется к нему, он помнит каждую кочку своих угодий». Цитирую по: Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 262. «Говорящие культуры» А. В. Головнева – большой, исключительно богатый академический труд по этнографии, при этом написанный удивительно живым и доходчивым языком. При работе над этой книгой я во многом опирался на «Говорящие культуры». Ссылки на них даю простым указанием фамилии автора и номера страниц.

Горы и пещеры

Все начинается с горы. И к горе возвращается – когда на вершину, а когда внутрь. Гора – центр мира: она и рождение дает, и порядок во Вселенной держит.

Уральцы не горный народ. Здесь люди не торят дороги среди неприступных скал, не ютятся на острых уступах. Но и без гор Урал немислим. Гора – это опора, средоточие.⁵ На Уральских горах не живут – к ним обращаются. Там дышат небом. А потом спускаются в жизнь.

Гора небесной породы, она родом из верхнего мира. Уральцы об этом издавна твердят, говорят, уже семь тысяч лет тому.⁶ Через гору течет небесный порядок на рыхлую землю. Вершина горы, считай, уже и есть небо. Чем острее пик, тем ближе гора к небу. Но там совсем не рай: наверху холодно, дует сильный ветер. Там ярко, ясно и четко, но сухо и твердо. Там все правильно и строго, но чисто и пусто. Небо не умеет рождать: пустые законы не исторгают бурлящую энергию, копошащийся жизненный поток.

На вершину горы редко поднимаются женщины, не их это место. К холодному небу тянется мужчина: его судьба – стремиться вверх. Его символ – стрела. Стрела – продолжение руки – доносит стреляющего в самые дали, на самые высоты. Небесным духам на Урале ставят простые памятники – валуны-пирамиды или столбы с заточенной вершинкой. А героев рисовали с треугольными головами: если макушка острая, значит, родом с неба.

Пещера в горе – лаз, дыра, щель. Там укромно, темно и влажно – вот где женское место. Мужчина к небу лишь стремится, а женщина с нижним миром крепко связана с самого начала, с рождения. Только она может впустить в наш средний мир жизнь. А впустив, бережет и укрывает ее от неумолимого давления небесных правил. Оттого, когда своих предков называют, всегда начинают считать со Старухи – хранительницы пещеры, праматери, земли-лона.

Пещера непроста, в ней все не то, чем кажется⁷. Хочешь отдышаться – пещерная хозяйка разведет огонь и обогреет. Но засмотришься на пляшущие по стенам блики и потеряешь счет времени, забудешь, куда шел. Рассказывают⁸, что иногда хозяйки и сами зазывают: они оборачиваются рыжеволосыми девушками, расхаживают по лесу голыми, соблазняют охотников большими грудями, сулят вечную удачу на промысле. Вот только домой от них потом не возвращаются. Другие говорят, что все наоборот: немало было счастливчиков, кто влюбил в себя хранительницу, с тех пор такие и вправду становились успешнее в охоте. А третьи уверяют, что иные и вовсе уводили с собой лесных жен на поселение. Только те не могли долго продержаться среди людей: не выдерживали насмешек над чудными огненными волосами и сбегали обратно.

Через пещеру можно напрямик в нижний мир попасть. Путь вниз найдется без труда, его подскажут ящерки. Намного сложнее найти дорогу обратно домой.

Через ту же пещеру есть и наверх выход, на самое небо. Только туда попасть гораздо труднее, чем под землю. Вот птицы каждый год так на южную сторону летают, а люди не могут. Но если уговорить хозяйку, то проведет она в верхний мир. Очутишься на самом небе, а пещер-

⁵ Глубокий анализ этих и других символов дан при сопоставлении алтайских, тюркских и угорских мифоритуальных традиций в книге: Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение. 1991. Далее неоднократно использую материалы этой монографии, ссылки на нее даю простым указанием фамилии автора и номера страниц.

⁶ Ковалева В. Т. Скрытые символы древнего знания // Уральский исторический вестник. 1997. Вып. 4. С. 67.

⁷ «Все не то, чем кажется» – название выставки современного искусства, проходившей в августе-сентябре 2018 года в Екатеринбурге (куратор экспозиции – Владимир Селезнев), она была центральным проектом второго фестиваля «Бажов-фест». Выставка эксплуатировала образ щедрой, но обманчивой пещеры.

⁸ Мое переложение материала из: Сагалаев А. М. С. 62–63.

ная хранильница обернется Солнцем-Девой, небесным огнем. Тогда берегись – такой сильный жар разольется кругом, что и сам Старик-Месяц не может вытерпеть – прячется.

Пещера, гора, солнце в небе – единый ствол Вселенной, на котором держатся все три мира. И он же вечный круговорот жизни, переплетение мужского и женского истоков.

Чтобы мир не рухнул, чтобы движение жизни не иссякло, круговорот надо освежать. Рассказывают, что был раньше такой ритуал⁹: мужчины заранее готовятся – собираются и очищаются, сторонятся своих жен. А как приходит время, садятся в лодку, плывут вниз по реке до большой горы со скалой, в которой пещера. Доплыв, они поднимаются на гору и молча стоят в священной чистоте – ждут знака. Потом спускаются и что есть сил пускают стрелы в ту пещеру. Но, чтобы началась новая жизнь, старая должна угаснуть – таков закон. Значит, нужна жертва.

⁹ Мое переложение материала из: Ковалева В. Т. Скрытые символы древнего знания // Уральский исторический вестник. 1997. Вып. 4. С. 67—68.

Прародительница

Есть на Южном Урале две знаменитые пещеры с рисунками каменного века – Капова и Игнатьевская. Они просторные, в них много гротов, рисунков в них сотни. Ученые толкуют эту живопись с XVIII века¹⁰, а в народе пещеры известны очень давно. Может, про них никогда и не забывали с самых древних пор.

Одни говорят, что теперешнее название Каповой – от «капели»: сыро в пещерах, по стенам течет. Другие спорят, мол, от «капище»: в этих пещерах издавна разных богов почитают. Из всех уральских писаниц рисунки в Каповой самые древние: по разным версиям археологов, им от 16 до 19,5 тысячи лет. Про эти рисунки некоторые ученые надменно пишут: «типичный верхний палеолит». Только не надо думать, раз «типичный», то ничего особенного. Совсем наоборот, в России ничего подобного больше нигде нет, зато, оказывается, удивительно похоже рисовали в пещерах юга нынешней Франции и севера Испании. Ориньякская археологическая культура, граветтская, эпиграветтская, солютрейская... Но оттуда до Южного Урала по прямой 4,5 тысячи километров. Откуда сходство? Никто объяснить не может. Зато стали говорить, мол, имеем дело с «транскультурным общецивилизационным религиозно-мифологическим феноменом ледникового века».

Рисовали в то время местных зверей – лошадей, шерстистых носорогов, бизонов. И мамонтов, разумеется – этих больше всего. Изображали как видели, подробно, каждого со своим характером: у кого брюхо поджарое, а бывает и тучное, вот рог и ухо, голова наклонена вперед, нога согнута в колене... Приметно, что все звери в Каповой нарисованы в профиль и смотрят в одну сторону – на юг. Кроме одного – маленький мамонт внизу одной из стен уверенно топает против движения; археологи обозвали его диссидентом¹¹. А совсем недавно там на стене разглядели верблюда, самого настоящего: два горба, губастая морда и лапы с мягкими копытами – не спутаешь. Но ведь не водились на Южном Урале верблюды 16 тысяч лет назад, нет про них никаких преданий...

Зато есть много легенд про мамонтов, но не тех, что по земле ходили, а про подземных и даже подводных. Рассказывали, что однажды нижний мир призвал мамонта, с тех пор он обернулся земляным оленем. Бывает, что если лось до глубокой старости доживает, то он тоже может в мамонта обернуться и под землю уйти. Такого мамонта лучше не тревожить, хотя случалось: раньше то тут, то там в земле находили рога мамонта – огромные, твердые. Обычный зверь, когда умирает и в землю падает, гниет, а у мамонта кости как каменные, он такими рогами и зубами под землей себе дорогу прокладывает. Может, это он пещеры и выкопал.

Бывает, что мамонт поселяется в глубоких омуты. Один человек рассказывал¹², что жил он однажды около глубокого, но маленького озера, а недалеко от него было большое озеро. И из маленького озера в большое пролез мамонт и сделал канаву шириной с дом. Всю землю меж ними он своими рогами сдвинул в озеро, и там образовался остров. Как на той земле сосенки росли, так и растут на острове теперь. Другие говорили, что мамонт в озере в огромную щуку превращается, иногда с рогами. Когда эта щука плывет, за ней след остается – черный зигзаг, его даже сверху хорошо видно.

¹⁰ Работ, посвященных уральским палеолитическим пещерам, множество. Сошлюсь на две недавние, по которым даю датировку: Широков В. Н. Пещерное палеолитическое искусство Урала и Западной Европы // Уральский исторический вестник. 2013. Вып. 4. С. 88—99. Широков В. Н. Плейстоценовые прототипы голоценовых изображений Урала // Уральский исторический вестник. 2018. Вып. 1. С. 39—46.

¹¹ Название не вымышленное, но и не официальное; заимствую из цикла открытых лекций «Мифологическая картина мира на древнем Урале» С. Н. Паниной, начальника отдела древней истории Музея истории и археологии Урала (подразделение Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера), прочитанных 12—13 сентября 2018 года в рамках публичной образовательной программы второго «Бажов-феста».

¹² Лукина Н. В. С. 182 (в моем пересказе).

Игнатьевская – большая пещера, в ней несколько этажей и много залов. В дальних залах те самые древние рисунки: мамонты, бизоны, лошади. Они немного младше, чем в Каповой – им, говорят, по 14—15 тысяч лет. Кто в Игнатьевской оказывается, все сразу примечают: есть в пещере какая-то особенная сила, видимо, выход на небо из нее совсем близко. Потому люди хоть и боятся, но ходят в эту пещеру не одну тысячу лет.

Теперь она названа в честь некоего Игната – загадочного старца, который долго жил в пещере в середине позапрошлого века¹³. Кто был такой, никто не допытывался. Уже после его смерти – а похоронили его в той же пещере – одни говорили, что простой беглый каторжник. Другие украшали: не простой беглый каторжник, а талантливый молодой художник, который влюбился в крепостную, выкупить ее не сумел, по пути убил кого-то – из-за любви, понятное дело – и остаток жизни скрывался в пещере. А третьи угадывали в отшельнике не то великого князя Константина Павловича, чудом спасшегося от холеры в 1831 году, не то его брата – самого императора Александра Павловича, не умершего от сомнительной простуды в 1825-м. Но кем бы он ни был, а пещеру выбрал не случайно: в известняке одного из дальних залов Игнат разглядел нерукотворный образ Богородицы с младенцем. Поначалу один ей молился, а потом и люди с окрестных сел и деревень потянулись – несли свечи, образки. До сих пор ходят и носят.

Но есть в той пещере еще один женский образ. Уже давно на него не молятся, позабыли, как надо. Он куда старше Богородицы – пятнадцатитысячелетний рисунок на потолке дальнего зала. Эта женщина нарисована красным, у нее узнается грудь, которая будто разлетается в движении, ноги присогнуты в коленях, а между ногами у нее череда красных точек. Вот она, уральская прародительница. Она нам еще встретится.

¹³ Распространенная уральская легенда, существует множество ее версий. Конкретная формулировка – моя.

Лиственница, береза и кедр

В тайге всё делают из дерева. Эпоха Мирового Дерева на Урале началась, когда перво-предки пришли в тайгу из степей.¹⁴ С тех пор дерево – это и мост, связывающий миры, и граница, которая не дает мирам беспорядочно смешиваться.

Дерево стоит на корнях. Они проникают глубоко в землю, достигают нижнего мира. Корни как змеи, они выются зигзагом. Обычные змеи в корнях больших деревьев тоже водятся. Они – и корни, и змеи – вожатые между этажами Вселенной, нашим и нижним. В корнях Мирового Дерева живет старик-первопредок, премудрый змей, хранитель. Он отсчитывает вселенский ритм, помогает прорасти свежей жизни из праха ушедших.

Корни собираются в ствол, в стволе – дупло. Лаз, щель, отверстие. Как сквозь горную расщелину, через дупло можно выйти и наверх к небу, и вниз, в темное царство. А можно остаться в самом дереве, поселиться в нем. Так укрываются от преследований. Так хоронят умерших детей. Но также в дереве могут поселиться зловредные духи. А когда их становится слишком много, небо собирает грозу и начинает метать в тайгу молнии, целясь в те стволы, где засели порождения нижнего мира.

Крона упирается в самое небо, на ней выют гнезда боги. Там выход в верхний мир, оттуда все-все видать.

Высоко тянется лиственница. На ее макушку опускаются божественные птицы, на ней сидит шаманская птица кукушка, обозревает весь уральский мир и хранит людей от злых духов. Рассказывают, и человек может взобраться по стволу в богово гнездо. А уж дальше как повезет: кто сорвется – оземь насмерть, кто наверху пропадет – птенцы пожрут, а если герой – вернется перерожденным.

Всем хороша лиственница – крепкая, высокая, сильная. Но уж простецки прямая, слишком ровная, без затей. Прямота хороша для вещей, созданных человеком, а в лесу она выглядит безжизненно. Нет мудрости в дереве с одним ровным как стрела стволом. Говорят, что поначалу небо сделало человека из лиственницы – до чего сподручный и податливый материал! Ан не задалось: вышел лишь глупый менкв, заорал на своего создателя и сбежал жить в глухой лес.

Кривое дерево – обязательное нарушение холодного небесного порядка, чтобы стать истинной жизнью в нашем среднем мире. Лишь под ним обретают священное знание и мудрость.

Береза ветвится. Хотя она и невысокая, а ближе всех к верхнему миру стоит. Береза теплая и южная, белая и чистая. Из нее делают обереги: берестяным флажком отмахиваются от болезней, в берестяной ларец дорогое прячут. На березовую жердь шаман нанизывает подношения. На березе, говорили в древности, отдыхают и месяц, и солнце небесное.

Мать-береза – защитница, заступница. Колыбельки – маленькие гнездышки – делают только из березы. Старики говорят, что береза и сама дать жизнь может. Что своим соком она, хранительница, выкармливает-выхаживает брошенных и потерявшихся в лесу человеческих детей. Рождение и исцеление – ее заботы.

Если нужно, то и мир береза исцелит. Раз в две тысячи лет, когда на земле накапливается слишком много злых духов, из-под священной семиствольной березы начинается всемирный потоп. Старик-первопредок поднимает семь ее стволов, и из семи-по-семь корней хлещут на землю струи чистой ледяной воды. Она моет уральскую землю от болезней, уносит прочь раздоры. И когда вода спадает, жизненный круг начинается заново.

Кедр высится на границе среднего и нижнего миров. Он черный и тяжелый, стена, страж. Как для младенца березовая колыбель, так покойнику кедровый гроб. Говорят, знающие люди

¹⁴ Трактовки символов в этой главке даю по книге Сагалаева.

умеют возвращать отлетевшую душу обратно в тело. Порой для этого приходится подождать, тогда умершего человека хоронят на листовнице. Как бы временно – такого умелый шаман еще может вернуть, призвать в него жизненные силы. Но если покойник похоронен на кедре, то он умер окончательно, безвозвратно. А уж если обмотан кедровым корнем, то никаким колдовством его душу не вызволить обратно из нижнего мира. Нет средства надежнее кедрового корня: им что ни обмотаешь, так и останется, не распадется и не выпутается. Он вяжет накрепко, держит намертво.

Самый древний идол

В XIX веке Урал охватила золотая лихорадка. Люди сюда стекались отовсюду. Копали все – и находили самоцветы, изумруды, золотые жилы. 24 января 1890 года – колотун! – второй курьинский разрез Шигирского торфяника углубили почти до четырех метров. И наткнулись на обломки *его*. Казалось бы, десять вымазанных в грязи деревяшек из мерзлого болота. Мужикам в трескучий январь на прииске уж было чем заняться, а не гнилушки разглядывать. Ан нет. С кем имеют дело, конечно, не поняли, но, видимо, почувствовали. Собрали в охапку, отвезли в Екатеринбург: недалеко, километров семьдесят.

В городе отмыли, пригляделись: на деревяшках резьба, и явно старинная. Уже знали, что торф, куда не попадает воздух и где высокая влажность, хорошо консервирует деревянные древности. В обычной-то земле дерево гнивает быстро без остатка. Голову опознали сразу. Захотели было целиком *его* собрать, но вышло плохо: ноги узелком завязали, какие-то руки вразлет сочинили, а половину обломков просто рядом бросили. Тоже не поняли. Так *он* простоял больше двадцати лет – перевернутый, зато уже не в болоте.

А потом за *него* взялся Владимир Яковлевич Толмачев, его послала Императорская археологическая комиссия. Он-то ученый, он все понял. И в 1914 году, после вечности в торфяном болоте, наконец *он* поднялся. С поддержкой, конечно, на опорах, зато снова во весь гигантский рост. Говорят, тогда в воздухе был слышен треск – то пробежали разряды между пластами уральской истории.

Но стоял *он* недолго: грянула мировая, затем Гражданская. Снова *его* разобрали и упрятали в ящики, в подвалы. А потом Великая Отечественная. И, как теперь пишут, «к сожалению, средняя часть изделия длиной около 193—200 см была утрачена». Как, когда, почему? Никто не знает. Но не опиши, не зарисуй *его* Толмачев, сегодня мы б и не знали, каков *он* был во всем своем величии еще 100 лет назад.

В советское время *его* не жаловали: обломки находки царских времен, побочный продукт заблуждений неразвитого допотопного сознания, свидетельство религиозных предрассудков прошлого. Но *он* оказался выносливее, терпеливее. К нему снова обратились в 1990-е¹⁵. В 1997-м сделали первый радиоуглеродный анализ: «Древнейшая в мире монументальная деревянная скульптура, аналогов которой нет». В 2014 году анализ повторили и насчитали *ему* 13 тысяч полных лет.

Сегодня *он* стоит в торжественном стеклянном саркофаге в собственном зале и свысока глядит на тех, кто идет ему поклониться. *Его* называют Большой Шигирский идол.

Большого идола древние мастера вырезали из лиственницы. Много труда: археологи-тракологи нашли следы работы нескольких тесел, стамесок и стихелей, плюс шлифовка. Выходит, обширный арсенал был в ходу 13 тысяч лет назад. Еще насчитали, что той лиственнице было 159 лет.

Большой идол высокий и тонкий. Его нижняя часть стесана на конус. Поначалу думали, что он стоял вкопанным. Но это вряд ли: для этого он слишком длинный и стройный, даже хрупкий. К тому же на его нижней части нет следов гниения, значит, он не просто не был вкопан, он даже не стоял на земле. Тогда на чем? На камне, на досках, на шкурах? Может, его выставляли только по праздникам, а остальное время он лежал, заботливо укутанный?

¹⁵ Материалов посвященных Большому Шигирскому идолу много, сейчас их число быстро растет. Здесь опираюсь на: Чаркина Н. М. Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. 2013. Вып. 4. С. 100—110. Савченко С. Н., Жилин М. Г., Тербергер Т., Хойсснер К.-У. Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. Вып. 1. С. 8—20. Бобров В. В. Шигирский идол: истоки монументальной скульптуры // Уральский исторический вестник. 2018. Вып. 1. С. 45—54.

Круглая голова идола старательно вытесана. Лицо детально проработано и оттого очень выразительное: круглый удивленный рот, прямые выдающиеся надбровные дуги, широко раскрытые и глубоко посаженные глаза, приплюснутый нос. По щекам цепочки насечек-татуировок, тонкая шея. Вверху спереди у него 26 горизонтальных ребер, сзади – плечи и лопатки, подчеркнутые треугольным зигзагом, потом тоже елочка ребер. Ниже с обеих сторон ниспадающие зигзаги с мягкими углами.

А еще ниже с обеих сторон на теле идола выточено несколько плоских персонажей – у каждого прорезано свое тело, личина, иногда руки и ноги. Таких плоских изображений Толмачев опознал пять, сейчас их насчитали семь. Но их могло быть и больше: на сохранившемся теле идола есть слепые пятна. Все персонажи переданы узнаваемо: прямые ребра, зигзагом – руки и ноги, иногда есть столб-позвоночник. Лица у них лишь намечены, а не проработаны с тщанием, как на венчающей скульптуру голове. Но все они со своим собственным характером. И все соединены угластым проникающим орнаментом.

Кто они? Если это символы Уральской вселенной, то сколько же слоев мира различали прапредки? Возможно, это символы стихий? А может, знаки мужского и женского начал или карта домашнего и лесного миров. Мы до сих пор не можем прочитать этот сложный древней уральский текст.

Но есть на теле идола одна фигура, которая говорит, что с нами он одного рода. Хотя теперь приходится сказать, что фигура *была*: та часть тулова, на которой она была вырезана, пропала в Гражданскую войну, и мы знаем о ней лишь по рисунку. И все же позвоночный столб, отставленная в сторону рука-зигзаг, подчеркнутые тремя горизонтальными линиями бедра, согнутые в коленях ноги. А между ног – ниспадающие точки-черточки. Рождающая мать. Та самая, что на красном панно в дальнем зале Игнатьевской пещеры. Эти изображения сделаны с промежутком в несколько тысяч лет. Между Шигирским торфяником и пещерой сотни километров. Но не узнать в них единую уральскую прародительницу невозможно.

Дом и лес

Без леса никак. Там охотничий промысел, пушнина: красный и черный зверь приносят успех и достаток. В ловле пушного зверя охотник учится: дорос до охоты на белку – еще совсем мальчик, потом на лисицу пойдет, а как начнет куницу да соболя промышлять – считай, совсем взрослый стал. В лесу – река, в реке – рыба. Промышляют белую – сига, красную – осетра, и даже черных, самых нижних – щуку и налима. Но всегда с оглядкой: в лесу лишнего не присваивай. Многого не давая, многого не брать, немного взял – и не будет с тебя большого спроса.

Дом и лес разные, как день и ночь, как солнце и темень, как человек и Когтистый Дед. Уральский дом начинается с угла, и, даже если дом круглый, как чум или юрта, он все равно состоит из углов. Угол – клин, опора, за него все держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.